

ПРЕОДОЛЕНИЕ КРИТИЧЕСКИХ АРГУМЕНТОВ КАРНАПА ПРОТИВ МЕТАФИЗИКИ С ПОМОЩЬЮ ЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА*

Вострикова Екатерина Васильевна – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: katerina-vos@mail.ru

Куслий Петр Сергеевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: kusliy@yandex.ru

Статья посвящена критическому анализу логико-семантической аргументации, предложенной Р. Карнапом в его статье «Преодоление метафизики логическим анализом языка» (1931) и адресованной против метафизической концепции М. Хайдеггера. Опираясь на современный формальный анализ естественного языка, авторы показывают, что какие бы недостатки ни были связаны с концепцией Хайдеггера, предложенная Карнапом критика не указывает ни на один из них.

Ключевые слова: логический анализ языка, метафизика, Карнап, Хайдеггер, кванторы, естественный язык

THE ELIMINATION OF CARNAP'S CRITICAL ARGUMENTS AGAINST METAPHYSICS THROUGH FORMAL SEMANTIC ANALYSIS OF NATURAL LANGUAGE

Ekaterina V. Vostrikova – PhD in Philosophy, research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: katerina-vos@mail.ru

The authors explore Carnap's (1931) famous critique of Heidegger's metaphysics and argue that, from the perspective of contemporary formal semantics of natural language, Carnap's criticism is not convincing. Moreover, they provide direct empirical objections to Carnap's criticism. In particular, using empirical evidence from languages like Russian that have negative concord, they show that Heidegger cannot be accused of assigning illegitimate logical forms to his sentences about Nothing because terms like "Nothing" can be used non-quantificationally and the fact

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ, проект № 18-011-00980 «Социальная эволюция» и «прогресс» как категории номотетического познания».

Petr S. Kusliy – PhD
in Philosophy,
senior research fellow.
Institute of Philosophy,
Russian Academy of Sciences.
12/1 Goncharynaya St.,
Moscow, 109240,
Russian Federation;
e-mail: kusliy@yandex.ru

that it is not clear how their reference is established cannot be the reason why the corresponding sentences are ungrammatical (as Carnap seemed to suggest). The authors also critically discuss the view that natural language is insensitive to meaningfulness or contradiction. With reference to the work of J. Gajewsky, they show that this view is not true either. As a result of this investigation, they arrive at a position that an appeal to ungrammaticality like the one proposed by Carnap does not provide legitimate evidence against metaphysics. This conclusion relates to some recent criticism of the so-called non-analytical philosophers that can be traced back to Carnap's paper.

Keywords: logical semantics, metaphysics, Carnap, Heidegger, quantifiers, analytic philosophy

1. Введение

Как известно, развитие символической логики в XIX в. дало стимул к появлению нового направления в философии, известного как логический позитивизм, который, в свою очередь, стал одним из базовых течений в основе целого типа философствования, распространившегося в XX в. под зонтичным термином «аналитическая философия»¹. Логический позитивизм стремился привести язык философии в соответствие тем требованиям, которые он выдвигал и к эмпирической науке, все утверждения которой должны были иметь эмпирическую верификацию, за исключением тех, которые были аналитическими (бессодержательными истинами логики). Таким образом, система от системы утверждений философии требовалось быть не только внутренне непротиворечивой, но эмпирически фундированной.

Одним из наиболее известных примеров критики «старой» философии представителями логического позитивизма стала статья Р. Карнапа «Преодоление метафизики логическим анализом языка» (1931), в которой Карнап подвергает критике концепцию М. Хайдеггера, сформулированную тем, в частности, в работе «Что такое метафизика?» (1929). Карнап пытается показать, что делаемые Хайдеггером утверждения являются не только эмпирически неверифицируемыми, но и логически противоречивыми. В качестве главного источника противоречивости утверждений Хайдеггера Карнап видит непроясненность того языка, который Хайдеггер использует в своей работе. Проведенное же Карнапом прояснение стремится показать, что утверждения Хайдеггера противоречивы.

Можно сказать, что предлагаемая Карнапом демонстрация несостоятельности языка, использованного Хайдеггером, была частным случаем той критики, которой родоначальники аналитической фило-

¹ См., напр., [Вригт, 2013; Грязнов, 1996; Никифоров, 2009; Шохин, 2013; Целищев, 2018; Макеева, 2019; Шрамко, 2007; Васильев, 2019].

софии (в частности, Б. Рассел и Л. Витгенштейн) подвергали естественный язык. Согласно этой критике, естественный язык был структурно спутан и, как следствие, внутренне противоречив. Поэтому он никак не годился в качестве инструмента строгого философского (и тем более научного) исследования. Философия должна была осуществляться исключительно с опорой на формализованный язык, в котором структура была бы четко задана правилами синтаксиса и который ясным и однозначным способом демонстрировал бы, как содержание каждого утверждения, так и обоснованность перехода от одних утверждений к другим.

Интересно, что само дальнейшее развитие логического позитивизма в частности и аналитической философии в целом привело к отказу, как от требования верифицируемости, так и к признанию так называемых аналитических истин истинами логики [Quine, 1961]. Более того, даже естественный язык как допустимый язык науки получил реабилитацию [Нейрат, 2005]. Однако критическое отношение к «неаналитической» философии, подобной той, что олицетворял Хайдеггер, сохранилось². Разумеется, причины такого отношения могут быть разными, но одной из них была и остается убежденность в том, что язык, используемый в таких работах, структурно непрозрачен, а потому допускает утверждения с противоречивым содержанием, внешне выглядящие корректными.

В данной статье мы хотим показать, что подобная критическая установка неправомерна. Для этого мы возвращаемся к упомянутой статье Карнапа и подвергаем ревизии предложенные им аргументы. Мы покажем, что Карнап неправ не потому, что он превратно трактует Хайдеггера и упускает основное, цепляясь к каким-то незначительным мелочам, и не потому, что в философской позиции последнего существует изъян (хотя и то, и другое может быть вполне справедливым). Карнап неправ в самом простом, понятном и не вызывающем оценочных расхождений плане – эмпирическом. В частности, делаемые им утверждения об употреблении ряда ключевых для Хайдеггера выражений эмпирически ложны, т.е. опровергаются опытным путем. Как следствие, его критика Хайдеггера не попадает в цель. Мы продемонстрируем ошибочность логико-лингвистических аргументов Карнапа с точки зрения современного логико-философского анализа естественного языка.

При этом мы считаем, что, критикуя аргументы Карнапа, мы, тем не менее, выступаем в качестве продолжателей его исследовательской программы. Мы не ставим перед собой задачу решения вопроса о том, верна ли концепция Хайдеггера. Цель, которую мы стремимся достичь, состоит в том, чтобы показать, что логический анализ языка

² См., напр., [Никифоров, 2012; Целищев, 2018].

не может использоваться для «разоблачения» предложений метафизики (по крайней мере, в том ключе, в котором его использовал Карнап).

2. Аргументы Карнапа против Хайдеггера

2.1. Взгляды Карнапа на корректный язык

Важным аспектом программы так называемого логического эмпиризма, сторонником которой выступает Карнап в рассматриваемой статье, является обоснование эмпиристской эпистемологии с использованием новой логики, развивавшейся на основе работ Фреге, Рассела, Уайтхеда и Витгенштейна.

Классическое и восходящее к Лейбницу разделение истин на истины разума и истины факта на протяжении долгих лет было препятствием для эмпиристски ориентированной эпистемологии: истины разума (теоретические утверждения или истины логики и математики) было невозможно необходимым образом вывести из чувственных данных. Новая логика позволяла представить истины разума как бессодержательные тавтологии, которые по определению не нуждаются в эмпирическом обосновании, а в лучшем случае лишь выражают те правила, по которым осуществляется мышление. В языке, способном отображать строгое и последовательное мышление, такие тавтологии выражаются посредством *функциональных терминов* (таких, например, как логические связки) и переменных. Последние являются составными частями той «логической механики», по которой функционирует язык. Поэтому значение функциональных терминов языка само по себе также не требовало обоснования эмпирическим опытом, а сводилось исключительно к дефинициям (подробнее об этом см., например [Ayer, 1936; Кюнг, 1999]).

Что же касается значения всех *нефункциональных* или, иначе, содержательных терминов языка, то оно должно было сводиться к эмпирическому опыту. Именно поэтому Карнап начинает свою аргументацию против метафизики и Хайдеггера, в частности, с замечания о том, что (корректный) язык состоит из предложений, которые, в свою очередь, состоят из слов, обладающих смыслом и составленных согласно правилам синтаксиса. Смыслом же, с его точки зрения, обладают только те слова, которые могут быть сведены к непосредственно наблюдаемому. Иначе говоря, слово (нефункциональный термин) имеет значение, только если оно «сводится к другим словам и, наконец, к словам в так называемых предложениях наблюдения» (с. 72). Последние являются утверждениями о непосредственных данных чувственного опыта (см., например, его статью «Протокольные предложения»). Смысл предложения,

таким образом, находится в методе его верификации. А предложение «означает лишь то, что в нем верифицируемо... [и]... если оно вообще о чем-либо говорит, [то]... лишь об эмпирических фактах» (там же).

Данная теоретическая установка Карнапа делает неизбежным его вывод о том, что «о чем-либо лежащем принципиально по ту сторону опытного нельзя ни сказать, ни мыслить, ни спросить». Перекликание этой фразы с известным лозунгом Витгенштейна «О чем нельзя говорить, о том следует молчать» вполне очевидно.

Наконец, Карнап также говорит о том, что в логически правильном языке бессмысленные предложения были бы грамматически некорректными. Проблема естественного языка заключается в том, что он часто не отображает такую неграмматичность явным образом: «Ошибка нашего языка состоит в том, что он, в противоположность логически правильному языку, допускает одинаковость форм между осмысленными и бессмысленными рядами слов» (с. 77).

2.2. Карнап о бессмысленных утверждениях и псевдопредложениях метафизики

Из описанного выше взгляда Карнапа на осмысленные утверждения вытекает и его взгляд на утверждения бессмысленные. Согласно его позиции, бессмысленные утверждения – это те, в которых «либо встречается слово, относительно которого лишь ошибочно полагают, что оно имеет значение, либо употребляемые слова хотя и имеют значение, но составлены в противоречии с правилами синтаксиса, так что они не имеют смысла» (с. 70). Слово не обладает значением, когда оно не может быть сведено к словам, входящим в предложения о непосредственных чувственных данных. В качестве гипотетического примера слова, не сводящегося к непосредственным чувственным данным, Карнап приводит слово «бабик» и указывает: «Предположим, что спрашиваемый... сказал, что для бабичности нет эмпирических характеристик. В этом случае мы считаем употребление слова недопустимым (...) [и] будем рассматривать это как пустую болтовню» (с. 72). *Псевдопредложения*, согласно Карнапу, это бессмысленные предложения, которые в силу своего внешнего вида кажутся содержательными (с. 70).

Карнап формулирует тезис о том, что многие метафизические утверждения являются бессмысленными: «В области *метафизики*... логический анализ приводит к негативному выводу, который состоит в том, что *мнимые предложения этой области являются полностью бессмысленными*» (с. 69) и что «путем логического анализа языка разоблачаются как псевдопредложения» (с. 70).

В предложениях метафизики, как указывает Карнап, часто встречаются слова, для которых это описанное выше условие верификации не может быть выполнено (такие, как «Бог», «принцип», «бытие»). При этом явного нарушения правил синтаксического согласования в таких случаях может и не быть. Утверждения метафизики, содержащие подобные термины, он сравнивает с утверждениями о бабке и определяет в качестве псевдопредложений. Карнап так описывает процесс появления в естественных языках слов, не обладающих значением: большинство слов естественного языка возникают как имеющие определенное значение, однако это значение утрачивается в результате исторического развития.

Карнап утверждает, что предложения метафизики могут быть бессмысленными также из-за того, что в них нарушаются правила синтаксиса. Синтаксис языка устанавливает, какие типы слов сочетаются друг с другом, а какие нет. В качестве иллюстрации Карнап рассматривает два примера «Цезарь есть и» и «Цезарь – это простое число». С его точки зрения, оба предложения нарушают правила синтаксиса, но в естественном языке (в частности, языке оригинала немецком, а также двух используемых нами языках перевода – русском и английском) только первое предложение воспринимается носителями этих языков как грамматически некорректное. В логически точном языке, согласно Карнапу, оба вида предложений не могут быть построены, а должны рассматриваться как грамматически некорректные.

Карнап указывает, что в предложении «Цезарь – это простое число» совершается категориальная ошибка. Термин «простое» в применении к числу означает, что это число делится только на 1 и на само себя. Поскольку термин «деление» может применяться только к числам и, соответственно, не может применяться к людям. Таким образом, условия истинности этого предложения, согласно Карнапу, не заданы, а следовательно, оно не может быть ни истинным, ни ложным, а является бессмысленным.

Карнап полагает, что причиной появления многих метафизических суждений является именно такого рода смешение семантических категорий. Один из примеров бессмысленных метафизических суждений, в которых совершается такого рода смешение категорий, это пример, в котором слово «бытие» используется как имя объекта и ему приписываются свойства, которые могут только приписываться объектам.

Далее мы рассмотрим более детально карнаповскую критику статьи М. Хайдеггера «Что такое метафизика?». Мы продемонстрируем ее несостоятельность с точки зрения современного подхода к логическому анализу языка.

2.3. Критика метафизической концепции Хайдеггера

Карнап утверждает, что в своих работах Хайдеггер употребляет такие функциональные термины, как кванторные слова (главным образом, термин «ничто») в качестве референциальных (содержательных). По его мнению, это приводит Хайдеггера, во-первых, к употреблению бессмысленных слов, которые нельзя свести к составным элементам «протокольных предложений», а во-вторых, к формулировке синтаксически некорректных предложений. Таким образом, критика Карнапом Хайдеггера осуществляется в полном соответствии со сформулированными им критериями бессмысленности.

Одним конкретным примером предложения из работы Хайдеггера, которое Карнап считает бессмысленным, является предложение «Ничто само себя ничтит». Карнап видит в данном предложении следующие проблемы: (1) слово «ничто» является кванторным выражением, а употребляется как имя, соответственно, совершается логическая ошибка («покоится просто на ошибке, заключающейся в том, что слово «ничто» употребляется как имя объекта, так как в обычном языке эту форму обычно употребляют для формулировки негативного предложения существования»); (2) слово «ничтит» является бессмысленным (несводимым к чувственным данным), поэтому предложение целиком является бессмысленным («добавляется еще образование слова без значения — «ничтит»»; предложение, таким образом, бессмысленно вдвойне).

Еще один пример из работы Хайдеггера, который рассматривается Карнапом как псевдопредложение – это «Ничто имеется только потому, что...». Карнап пишет: «Это предложение, если бы оно уже не было бессмысленным, контрадикторно, а следовательно, бессмысленно вдвойне» (с 79). С точки зрения Карнапа, это предложение является контрадикторным, потому что «ничто» – это отрицательное кванторное выражение (в логически корректном языке), а высказывание интерпретируется как отрицание чего-либо обладающего свойством, выраженным тем или иным предикатом. Однако предикатом в данном предложении является слово «имеется». Таким образом, каким бы ни было продолжение этого предложения, для Карнапа в нем будет содержаться противоречие.

Важно, что Карнап учитывает то обстоятельство, что употребление Хайдеггером термина «ничто» в качестве референциального может быть осознанным и намеренным. Данное замечание Карнап делает применительно к пассажиру из Хайдеггера, начинающемуся так: «Исследованию должно подлежать только сущее и еще – *ничто*; сущее одно и дальше – *ничто*; сущее единственно и сверх этого – *ничто*» (с. 77). Карнап пишет: «...можно было бы прийти к предложению, что в цитируемом отрывке слово “ничто” имеет совершенно другое значение, чем обычно. (...) В этом случае указанные логические

ошибки... не имели бы места» (с. 80). Но он отбрасывает подобную линию защиты Хайдеггера, указывая, что ряд случаев использования Хайдеггером термина «ничто», возможен только при его кванторном понимании, а это, соответственно, с неизбежностью делает его критику релевантной: «Но начало данной цитаты показывает, что такое толкование невозможно. Из сопоставления “только” и “и еще ничто” четко вытекает, что слово “ничто” имеет здесь обычное значение логической частицы, которая служит для выражения негативного предположения существования» (с. 80)³.

3. Современный формальный анализ естественного языка: общие принципы

Возражение, которое мы хотели бы предложить аргументации Карнапа – прямое. Мы проанализируем аргументы Карнапа с точки зрения современного формального семантического анализа естественного языка и покажем, что предложения подобные тем, за использование которых он критикует Хайдеггера, не являются бессмысленными. Мы покажем, что Хайдеггер не только, будучи философом, мог позволить себе подобное словоупотребление, но и что оно не является необычным, а, наоборот, может рассматриваться как общепринятое. Используя методы современного формального семантического анализа естественного языка, мы покажем, что кванторное и референциальное употребление такого термина, как «ничто», может быть выявлено и более очевидными способами, чем использование заглавной буквы. Наконец, мы приведем аргументы о том, что естественный язык вопреки утверждениям Карнапа не допускает противоречий, т.е. подобно строгому языку логики, о котором писал Карнап, признает подобные высказывания неграмматичными. Всему этому и будут посвящены оставшиеся разделы данной статьи.

3.1. Общая идеология формального семантического анализа естественного языка

Современный логический анализ языка – это программа формального описания естественного языка, которая исходит из предположения о том, что естественный язык может быть рассмотрен как

³ В целях экономии места мы не приводим оригинальные немецкоязычные варианты данных высказываний, но заверяем читателя, что они вряд ли прольют большой свет на суть этого аргумента Карнапа, чем их русскоязычные версии. Любой интересующийся читатель может обратиться к оригиналам самостоятельно, чтобы в этом убедиться.

формальный, т.е. подчиняющийся законам логики. Значением повествовательного предложения естественного языка являются условия его истинности. Значение предложения естественного языка композиционно, т.е. выводится из значения его составных частей и способа их сочетания друг с другом. Условия истинности предложения – это возможная ситуация, в которой предложение является истинным.

Современная программа логического анализа языка фокусируется на исследовании функциональных элементов, которые служат для связи слов в предложении, слов, которые не указывают на какой-либо объект или множество объектов в реальном мире. Вопрос о референции содержательных терминов выносится за скобки. Считается, что значение референциальных терминов задается говорящими и зависит от интерпретирующей функции, которая используется в данном контексте.

Работы Р. Монтегю, показавшего, что естественный язык вполне может быть представлен как разновидность формализованного, а также программа генеративной грамматики Н. Хомского, указавшая принципы для строгого исследования синтаксической структуры естественно-языковых выражений заложили основы современного формального языкознания, в котором строгие аналитические методы, пропагандируемые Р. Карнапом и другими основоположниками аналитической философии, стали использоваться для анализа тех самых естественных языков, которые считались не поддающимися такому анализу ранними философами-аналитиками.

Ниже мы подробно проанализируем критику Карнапа с точки зрения современного логического анализа языка и продемонстрируем ее несостоятельность⁴.

3.2. Анализ предложений с «пустыми» выражениями и неверифицируемых предложений

Как уже было сказано выше, Карнап полагает, что только те слова обладают смыслом, которые либо напрямую сводятся к словам в так называемых предложениях наблюдения («протокольных предложениях»), либо сводятся к другим словам, которые в свою очередь сводятся к таковым. Как мы знаем, программа сведения всех предложений языка к протокольным предложениям не была реализована на практике. Естественно, что не все слова, которые встречаются в нашем языке, могут быть сведены к словам, значение которых дано непосредственно в опыте. Поэтому, согласно современным представ-

⁴ См. об этом, напр., [Бах, 2010; Partee, 2011; Portner, Partee, 2002].

лениям о логическом анализе языка, данная критика не является самостоятельной.

С точки зрения современного подхода к логическому анализу языка такое предложение, как «Бог всемогущ», не может рассматриваться как бессмысленное. Оно не нарушает никаких синтаксических принципов, оба слова в русском языке в составе этого предложения обладают значением, и смысл предложения понятен любому носителю языка (даже если он – атеист). Мы знаем, что это предложение является истинным, если Бог всемогущ, и ложным, если он не всемогущ.

Единственная проблема здесь состоит в том, что слово «бог» является именем или определенной дескрипцией, и если допустить, что в реальном мире этому термину ничего не соответствует, то возникает вопрос о том, как интерпретировать это выражение. Однако это еще не означает, что можно сделать вывод о бессмысленности данного предложения. Напротив, тот факт, что какое-то предложение может быть осмысленным и понятным, притом что референциальным выражением, входящим в его состав, может ничего не соответствовать, рассматривается как проблема, которая требует решения.

Сходная проблема возникает с предложениями сказок и беллетристики, ведь в них также содержатся термины, которые не указывают ни на какие объекты реального мира, и они также не могут быть верифицированы. Карнап полагает, что предложения, входящие в состав сказок, являются осмысленными, но ложными: «Предложения сказки противоречат не логике, а только опыту; они осмысленны, хотя и ложны» (с. 80). Из этого можно сделать вывод о том, что предложения сказок или выдуманных историй, с его точки зрения, могут быть верифицированы. Очевидно, что это не вполне верно. Например, предложение «Шерлок Холмс жил на Бейкер-стрит» не может быть верифицировано опытным путем. Это предложение также не является ложным или истинным в реальном мире, так как Шерлок Холмс не указывает ни на какого индивида, существующего в этом мире. Таким образом, предложения сказки или вымысла должны обладать смыслом, несмотря на то, что они не могут быть верифицированы.

Но как же мы оцениваем такие предложения на предмет их истинности? Приведенное выше предложение является истинным в мире, описанном в работах Конан Дойля. Мы оцениваем предложения такого рода, представляя *возможную ситуацию*, в которой они были бы истинными, и нам вовсе не нужна их верификация, чтобы они были для нас осмысленными. Индивид может существовать в одной возможной ситуации и не существовать в другой. Таким образом, проблема референциальных выражений, которые потенциально могут оказаться пустыми в реальном мире или ситуации, не является проблемой для современного логического анализа.

3.3. Анализ предложений, в которых содержится категориальная ошибка

Возвращаясь к предложению «Цезарь является простым числом», у нас нет никаких причин считать его некорректным с синтаксической точки зрения. Ведь именно восприятие носителем того или иного языка этого предложения является критерием, по которому грамматически корректные предложения отличаются от грамматически некорректных⁵. Грамматическая (синтаксическая) корректность предложения независима от значения его составных элементов. Предложение «Бесцветные зеленые идеи неистово спали» является известным примером синтаксически согласованного, но бессмысленного предложения [Chomsky, 1957]. Более того, вопреки позиции Карнапа мы можем сказать, что подобная независимость синтаксиса от семантики не влечет никаких негативных последствий для естественного языка. Ведь содержательность того или иного синтаксически корректного предложения зависит от того, какое значение заданная в данном контексте интерпретирующая функция приписывает слову «Цезарь». Если это слово указывает на человека, то можно согласиться с тезисом Карнапа о том, что это предложение является бессмысленным. Однако это еще не означает, что данное предложение не могло бы быть осмысленным ни в какой ситуации. В частности, если бы имя «Цезарь» указывало на число, то предложение было бы осмысленным. Поскольку такой возможности исключать нельзя, это предложение не воспринимается как грамматически некорректное в естественном языке⁶.

К сожалению, Карнап не приводит и не разбирает здесь каких-либо конкретных примеров метафизических предложений, в которых имеется такого рода категориальная ошибка. Он говорит о предложениях, где какие-то свойства приписываются бытию. С нашей

⁵ Под грамматически корректным (грамматичным) выражением понимается то, которое построено согласно правилам грамматики соответствующего языка. Если грамматики искусственных языков задаются на этапе их построения и вопрос о грамматичности того или иного выражения решается посредством сопоставления с правилом, то грамматики естественных языков в явной форме не заданы. Они открываются в результате научного исследования, которое исходит из того, что эти правила существуют и что носители языка систематически руководствуются ими, не будучи всегда способными ясно их сформулировать. Считается, что носители языка в силу своей языковой компетенции могут идентифицировать ту или иную последовательность слов как грамматически корректную или некорректную. Исследователь опирается на то, какие последовательности признаются грамматичными носителями языка, а какие нет, и, исходя из этого, формулирует правила грамматики соответствующего языка (подробнее см. [Chomsky, 1957; 1986]).

⁶ В данной статье мы не рассматриваем вопрос о том, как формируется значение конкретных нефункциональных слов в языке. Об этом см., например [Антоновский, 2006].

точки зрения, такого рода предложения являются осмысленными, если они воспринимаются как осмысленные, т.е. если то, что обозначается словом «бытие», с точки зрения носителя языка, может обладать тем свойством, которое приписывается ему в данном предложении. «Бытие», «существование» не являются бессмысленными референциальными терминами в естественном языке, а это значит, что утверждать, что любое приписывание свойств референтам этих выражений бессмысленно, неверно.

3.4. Существование как предикат

Одно из выражений естественного языка, рассматриваемого Карнапом как проблемное, это предикат «существовать». По Карнапу, в логически точном языке существование выражается соответствующим квантором и не может быть предикатом.

В естественных языках, таких как русский, вполне допустимы такие предложения, как «Дед Мороз не существует». Соответственно, «существовать» является предикатом. Карнап пишет о том, что предложения такого типа являются бессмысленными и в логически точном языке были бы невозможны. Как осмысленность данного предложения объясняется с точки зрения современных представлений о логическом анализе языка? Ведь если «Дед Мороз» это референциальное выражение, то каким образом, мы можем приписывать ему свойство существования? Даже если представить себе, что «Дед Мороз» является не именем собственным, а определенной дескрипцией, и принять расселовскую интерпретацию определенных дескрипций, при которой они рассматриваются как термины, вводящие в логическую форму предложения, в котором употребляются, квантор существования, предложение «Дед Мороз не существует» в лучшем случае всегда будет ложным. Как можно решить данную проблему?

Возможное решение данной проблемы состоит в том, чтобы оценивать предикат и определенную дескрипцию «Дед Мороз» в отношении к разным возможным мирам. Мы можем оценивать «Дед Мороз» в том возможном мире, в каком он существует, а предикат «существует» в нашем мире. Таким образом, это предложение является информативным и осмысленным: в нем утверждается несуществование в реальном мире сказочного персонажа по имени «Дед Мороз».

Установка современного формального подхода к анализу языка состоит в том, чтобы объяснить, каким образом осмысленные предложения языка являются осмысленными, а не в том, чтобы критиковать их и отбрасывать как бессмысленные.

4. Референциальное употребление отрицательных слов

Выше мы показали, почему отсутствие предметного значения у термина вовсе не означает его бессмысленности в формальной семантике естественного языка и при этом не ставит под угрозу возможность строгого языкового анализа. Мы также сказали что кванторные термины могут иметь собственное значение, которое также можно выразить на том же уровне строгости, что используется в семантических дефинициях выражений формализованных языков. Однако всего этого пока еще недостаточно, чтобы возразить Карнапу, поскольку он утверждает, что Хайдеггер смешивает кванторное и референциальное употребление. И чтобы прояснить данный вопрос, мы обратимся к межъязыковым данным, используя русский язык в качестве объектного языка, а также применив методологию современной формальной семантики естественного языка.

В английском языке, равно как и в немецком, отрицательное кванторное выражение вводится одним словом, таким как «*nichts*» или «*nothing*». Предложение «*John is big*» и предложение «*Nothing is big*» имеют идентичный синтаксис.

Однако существует довольно много естественных языков, где дела обстоят иначе: отрицательные кванторы выражаются сочетанием двух слов: отрицательной частицей (собственно, отрицанием, например, в русском языке это частица «не») и отрицательным словом (в русском языке, таким словом, как «никто» или «ничто») ⁷. Это позволяет наглядным и эмпирически фиксируемым образом определить, предполагается ли в соответствующем предложении наличие отрицательного квантора или нет. К таким языкам относятся испанский, итальянский, португальский, японский, иврит и многие славянские языки, включая русский.

Рассмотрим простой пример. Русский эквивалент английского предложения «*Nothing happened*» – это предложение «Ничего не случилось», а эквивалент предложения «*No one came*» – «Никто не пришел». То, что в английском языке выражается одним словом «*nothing*» (или выражением «*no one*»), в русском выражается двумя словами «ничто не» («никто не»). Если добавить отрицание в английское предложение, то оно поменяет свой смысл: утверждения «*Nothing didn't happen*» или «*It's not the case that nothing happened*», содержащие два отрицания, эквивалентны русскому предложению «Что-то случилось». Сходным образом русское предложение «Ничто

⁷ В лингвистической литературе этот феномен называется «отрицательный конкорд», см. Обзорную статью Е.В. Падучевой «Отрицательные местоимения» 2017 на [<http://rusgram.ru>]

случилось» не может быть эквивалентом предложения «Nothing happened» в его кванторной интерпретации. Это с очевидностью подтверждается языковыми интуициями носителей русского и английского языка. Таким образом, обязательность присутствия неинтерпретируемой частицы «не» в предложениях с отрицательным квантором в русском языке дает нам возможность уверенно контролировать, когда «ничто» используется как квантор.

Референциальные выражения в русском языке не участвуют в отрицательном согласовании. Отрицательное согласование с ними несовместимо, даже если они по своему внешнему виду, этимологии и даже значению выглядят как отрицательные слова: «Нежелания спать не было» (отрицание присутствует, частица «не» интерпретируется); «Нехочуха не убрал комнату» (отрицание присутствует: неверно, что герой советского мультфильма убрался в комнате).

Упомянутое выше предложение «Ничто случилось», хоть и не является эквивалентом предложения «Ничего не случилось», тем не менее выражает определенную мысль. Оно может быть осмысленным, только если «ничто» указывает на определенный объект или явление, которое случилось. Сходным образом, «Ничто вечно» не может означать того же самого, что и предложение «Ничто не вечно», где ничто используется как квантор. Первое предложение опять-таки является осмысленным, только если «ничто» понимается как имя некоей субстанции.

Здесь стоит отметить, что такое употребление отрицательных слов является обычным и достаточно распространенным в русском языке. Мы можем сказать «Ты никто» или «Ты ничто» и в данном случае «никто» или «ничто» используется как синоним понятий «не обладающий какой-либо значимостью», «пустое место», а не в значении, при котором предложение было бы эквивалентно утверждению «Не существует ни одного объекта, который равен тебе», ведь в таком случае предложение было бы аналитически ложным, поскольку каждый объект равен самому себе. Можно привести и другой пример такого употребления отрицательных слов: «Он ушел с ничем». В данном случае «с ничем» понимается как «с пустыми руками».

Обратимся теперь к слову «ничтить» и его нередуцируемости, с точки зрения Карнапа, к чувственным данным. Все, что может здесь сказать формальная семантика, это то, что «ничтить» является функцией, которая сочетается с индивидом (беря его в качестве своего аргумента) и отображает его истину, если индивид ничтит, и ложь, если индивид не ничтит. Какое действие обозначается этим глаголом зависит от интерпретирующей функции, заданной в контексте. Очевидно, что слово «ничтить» обладает интуитивным смыслом. Есть несколько возможных смыслов, которые доступны для носителя языка: «превращать в ничто», «отрицать», «добавлять немного ничего» (по аналогии с «солить») и т.п.

Таким образом, Карнап не прав, утверждая, что в естественном языке отрицательные слова, такие как «ничто» и «никто» в естественных языках, могут употребляться только как кванторы и другое их употребление является ошибкой. Это особенно хорошо видно в таких языках, как русский, поскольку употребление отрицательных слов как кванторов обязательно сопровождается отрицанием «не», тогда как в английском «nothing» не требует дополнительного отрицания. Однако подобные некванторные употребления существуют в языках, не имеющих отрицательного согласования, таких как английский или немецкий: «You are no one» и т.д.

Таким образом, похоже, не Хайдеггер, а Карнап совершает ошибку, ибо и в естественном языке, как русском, так и английском, допускается употребление «ничто» в качестве имени. Проведенное нами рассмотрение выводит Хайдеггера из-под критики Карнапа вполне очевидным образом: Хайдеггер не привносит в словоупотребление каких-либо значительных новшеств. Также он не делает и синтаксических ошибок.

Вопрос же о верификации значения содержательных терминов, которые он употребляет, лежит вне сферы формальной семантики. Однако мы уже видели, что отсутствие референта в реальном мире не может быть препятствием осмысленности выражения, поэтому атака на Хайдеггера с этого направления, похоже, обречена на неудачу.

Здесь важно повторить, что в рамках нашей статьи мы не ставим перед собой цели, полностью выявить те значения, которые вкладывались Хайдеггером в его метафизические предложения. Мы стремимся лишь показать, что они не могут быть отвергнуты с точки зрения формального анализа естественного языка как бессмысленные. Осмыслено это предложение или нет, зависит от того, какое значение вкладывается Хайдеггером в слово «ничто» и в слово «ничтит». И если он не вкладывает в них гарантированно противоречивый смысл, то структурных проблем с осмысленностью его утверждений возникать не должно.

5. Является ли естественный язык нелогичным?

В данном разделе мы исследуем вопрос о том, является ли естественный язык нелогичным или же в нем все же проводится различие между осмысленными предложениями и бессмысленными. Здесь мы кратко рассмотрим теорию, согласно которой те предложения, которые являются противоречивыми при любой подстановке содержательных терминов являются неграмматичными. Таким образом, естественный язык вопреки убеждениям ранних аналитических

философов чувствителен к логике. Эта теория также объясняет, почему в естественных языках не все противоречивые предложения отбрасываются как грамматически некорректные. Эта концепция была предложена в работе Дж. Гайевского [Gajewski, 2002].

В этой работе рассматривается ряд концепций, существующих в современной философии языка, в которых неграмматичность определенной конструкции объясняется тем, что эта конструкция является противоречивой. В нашей статье мы будем использовать пример теории, которая не обсуждается в статье Гайевского, но также обращается к логике для объяснения неграмматичности определенной конструкции. В частности, мы используем теорию, которую, с нашей точки зрения, легче проиллюстрировать на примере русского языка. Рассмотрим такую конструкцию, как «что-либо». В русском языке мы можем сказать «Я не думаю, что он ел что-либо сегодня», но мы не можем сказать «Я думаю, что он ел что-либо сегодня». Мы можем сказать также «Каждый, кто ел что-либо из этой тарелки, попадет в больницу», но не можем сказать «Кто-то, кто ел что-либо из этой тарелки, попадет в больницу». Это выражение относится к выражениям отрицательной полярности [Падучева, 2015].

У. Ладусов [Ladusaw, 1979] установил, что такого рода выражения чувствительны к логическим свойствам предложений, в которые они входят. В частности, он выявил, что они являются приемлемыми только в контекстах так называемой внизведущей монотонности: контекстах, где более общее понятие может быть заменено на более частное, подпадающее под то самое общее, и истинное значение при этом не изменится. Проиллюстрируем это свойство: из предложения «Я не думаю, что он ел овощи сегодня» можно заключить «Я не думаю, что он ел огурцы сегодня». Сходным образом, из предложения «Каждый, кто ел овощи из этой тарелки, попадет в больницу» можно заключить, что «Каждый, кто ел огурцы из этой тарелки, попадет в больницу». Предложения, в которых «что-либо» было неприемлемым, не обладают этим свойством. Так, из предложения «Я думаю, что он ел овощи сегодня» нельзя заключить «Я думаю, что он ел огурцы сегодня», а из предложения «Кто-то, кто ел овощи из этой тарелки, попадет в больницу» нельзя заключить, что «Кто-то, кто ел огурцы из этой тарелки, попадет в больницу».

Это свойство является логическим свойством этих контекстов, которые в литературе получили название «внизведущих контекстов» [Ladusaw, 1979]. Таким образом, естественный язык является чувствительным к принципу, который не является синтаксическим по своему характеру, а является логическим.

Это учитывается в теории, разработанной Г. Кьеркиа [Chierchia 2013]. В рамках его теории, выражения с отрицательной полярностью обладают таким логическим значением, которое гарантированно превращает предложение в противоречие, если контекст, в котором

они расположены в рамках предложения, не обладает вышерассмотренным свойством (т.е. не является внизведущим). Именно поэтому предложения «Я думаю, что он ел что-либо сегодня» и «Кто-то, кто ел что-либо из этой тарелки, попадет в больницу» воспринимаются нами как грамматически некорректно построенные – поскольку они являются противоречивыми.

Здесь возникает вопрос: почему такие предложения, как «Ты не ты, когда голоден», где, строго говоря, также содержится противоречие, не воспринимаются нами, как грамматически некорректные? Теория Гайевского предлагает нам ответ на этот вопрос. Различие между неграмматическими предложениями с «что-либо», рассмотренными нами выше, и этим предложением состоит в том, что второе предложение можно «спасти», заменив один из содержательных терминов. В частности, можно сказать «Ты не лучший футболист, когда голоден». В случае же с «что-либо», замена содержательных терминов (не функциональных) любыми другими не отменит того факта, что предложение является противоречием, так как противоречие вызвано самим сочетанием функциональных терминов. Так, предложение «Олег думает, что Маша читала что-либо вчера», которое образовано заменой всех содержательных терминов предложения «Я думаю, что он ел что-либо сегодня», все равно является противоречивым и, как следствие», неграмматичным.

Это различие, проведенное Гайевским, между предложениями, которые противоречивы в силу сочетания функциональных элементов, и предложениями, которые противоречивы в силу сочетания содержательных элементов, позволяет нам лучше понять, почему не все противоречия в естественном языке отбрасываются как грамматически некорректные.

Дело в том, что в естественных языках существует омонимия и одно и то же содержательное слово может обладать разной интерпретацией в рамках одного предложения. В предложении «Ты не ты, когда голоден» первое вхождение «ты» интерпретируется референциально, как указывающее на конкретного индивида. Второе «ты» интерпретируется предикативно – как указывающее на определенное яркое свойство этого индивида. Предложения такого рода не могут просто отбрасываться естественным языком как грамматически некорректные именно потому, что всегда существует возможность того, что двум одинаково произносимым содержательным терминам приписывается совершенно разный смысл.

Однако из того, что такого рода противоречия не являются грамматически некорректными, не следует, что естественный язык не чувствителен к логике. Если противоречие неизбежно, что, как мы показали, возникает, когда оно вызывается сочетанием функциональных элементов, то оно действительно воспринимается в языке как грамматически некорректное.

6. Заключение

В данной статье мы рассмотрели основные аргументы, сформулированные Р. Карнапом против метафизики. Эти аргументы были основаны на логическом анализе языка. Мы показали, что с точки зрения современного понимания логического анализа языка эти аргументы являются несостоятельными. Мы выдвинули тезис о том, что логический анализ естественного языка не способен продемонстрировать бессмысленность или осмысленность метафизики, т.к. он фокусируется на значении функциональных, а не содержательных слов и исходит из того, что значение содержательных слов зависит от их интерпретации в контексте произнесения предложения. Если предложение воспринимается как осмысленное носителями языка, то задачей логического анализа является показать, каким образом это значение возможно. Мы также продемонстрировали ошибочность критики Карнапа, основанной на идее о том, что такие выражения, как «ничто», не могут употребляться как референциальные в естественном языке. Мы также рассмотрели тезис о том, что естественный язык чувствителен к логике и, в частности, к противоречивости вопреки убеждению Карнапа.

Благодарность

Авторы выражают благодарность А.Л. Никифорову, А.А. Антоновскому, О.Е. Столяровой, Т.Д. Соколовой, И.А. Савченко за критические замечания по рукописи данной статьи, которые нам очень помогли. Все ошибки и прочие недостатки исключительно на совести авторов.

Список литературы

Антоновский, 2008 – *Антоновский А.Ю.* Коммуникативная рациональность – внешняя и внутренняя // Эпистемология и философия науки / *Epistemology & Philosophy of science*. 2008. Т. 17. № 3. С. 71–77.

Бах, 2010 – *Бах Э.* Неформальные лекции по формальной семантике. М.: Либроком, 2010. 224 с.

Васильев, 2019 – *Васильев В.В.* Что такое аналитическая философия и почему важен этот вопрос? // *Филос. журн. | Philosophy Journal*. 2019. Т. 12. № 1. С. 144–158.

Витгенштейн, 1994 – *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат / «Философские работы». Ч. 1. М.: Территория будущего, 1994. С. 22–164.

Вригт, 2013 – *Вригт Г.Х. фон*. Аналитическая философия: историко-критический обзор / Пер. с англ. Л.Б. Макеевой // Кантовский сборник. 2013. № 1 (43). С. 78–89; № 2 (44). С. 69–82.

Грязнов, 1996 – *Грязнов А.Ф.* Феномен аналитической философии в западной культуре XX столетия // Вопр. философии. 1996. № 4. С. 37–47.

Карнап, 1998 – *Карнап Р.* Преодоление метафизики логическим анализом языка // Аналитическая философия: становление и развитие. Антология / Общ. ред. и сост. А.Ф. Грязнова. М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. С. 69–90.

Карнап, 2006 – *Карнап Р.* Логическое построение мира // Erkenntnis (Познание). М.: Идея-Пресс: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 75–94.

Кюнг, 1999 – *Кюнг Г.* Онтология и логический анализ языка / Пер. с нем. и англ. А.Л. Никифорова. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 237 с.

Макеева, 2019 – *Макеева Л.Б.* Аналитическая философия как историко-философский феномен // Филос. журн. / Philosophy Journal. 2019. Т. 12. № 1. С. 130–143.

Нейрат, 2005 – *Нейрат О.* Протокольные предложения // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки. 2005. Т. II. № 4. С. 226–234.

Никифоров, 2009 – *Никифоров А.Л.* Аналитическая философия // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Под ред. И.Т. Касавина. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2009. С. 49–51.

Никифоров, 2012 – *Никифоров А.Л.* Структура и смысл жизненного мира человека. М.: Альфа-М, 2012. 280 с.

Падучева, 2015 – *Падучева Е.В.* Снятая утвердительность и неверидиктальность (на примере русских местоимений отрицательной полярности) // Russian Linguistics. 2015. № 39 (2). С. 129–162.

Хайдеггер, 1993 – *Хайдеггер М.* Что такое метафизика? // Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 16–27.

Цит. по URL: http://www.bibikhin.ru/posleslovie_k_chto_takoe_metafizika (дата обращения: 16.04.2019)

Целищев, 2018 – *Целищев В.В.* Аналитическая философия и ревизионизм без берегов // Филос. журн. / Philosophy Journal. 2018. Т. 11. № 2. С. 138–155.

Шохин, 2013 – *Шохин В.К.* Что же все-таки такое аналитическая философия? В защиту и укрепление «ревизионизма» // Вопр. философии. 2013. № 11. С. 137–148.

Шрамко, 2007 – *Шрамко Я.В.* Что такое аналитическая философия? // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки. 2007. № 1. С. 87–110.

Ayer, 2012 – *Ayer A.J.* Language, Truth and Logic. Vol. 1. N. Y.: Courier Corporation, 2012. 208 pp.

Chierchia, 2013 – *Chierchia G.* Logic in Grammar: Polarity, Free Choice, and Intervention. Oxford: Oxford Univ. Press, 2013. 480 pp.

Chomsky, 1957 – *Chomsky N.* Syntactic Structures. The Hague: Mouton, 1957. 256 pp.

Chomsky, 1986 – *Chomsky N.* Knowledge of Language: Its Nature, Origin, and Use. N. Y.: Praeger, 1968. xxii + 309 pp.

Gajewski, 2002 – *Gajewski J. L-Analyticity in Natural Language*. Cambridge, MA: MIT Press, 2002. 358 pp.

Ladusaw, 1979 – *Ladusaw W. Negative Polarity Items as Inherent Scope Relations*. Unpublished Ph. D. Dissertation, University of Texas at Austin, 1979.

Partee, 2011 – *Partee B.H. Formal Semantics: Origins, Issues, Early Impact* // *The Baltic Yearbook of Cognition, Logic, and Communication*, Vol. 6 / Ed. by B. Partee, M. Glanzberg & J. Skilters. New Prairie Press: Lawrence, KS, pp. 1–52.

Portner, Partee, 2002 – *Formal Semantics: The Essential Readings*. Vol. 7. / Ed. by Portner P.H., Partee B.H. Oxford: Blackwell, 2002. 500 pp.

Quine 1961 – *Quine W.V.O. Two Dogmas of Empiricism* // *From a Logical Point of View*. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1961. P. 1–19.

Russell, 1905 – *Russell B. On Denoting* // *Mind*. 1905. Vol. 14. No. 56. P. 479–493.

References

Antonovsky, A.Yu. “Kommunikativnaya racional’nost’ – vneshnyaya i vnutrennyaya” [Language: a Means of Communication or of Separation], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2008, vol. 17, no. 3, pp. 71–77. (In Russian)

Ayer, A.J. *Language, Truth and Logic*. Vol. 1. New York: Courier Corporation, 2012, 208 pp.

Carnap, R. “Preodolenie metafiziki logicheskim analizom yazyka” [Überwindung der Metaphysik durch logische Analyse der Sprache], *Erkenntnis*, 1931, vol. 2(1), pp. 219–241. (In Russian)

Chierchia, G. *Logic in Grammar: Polarity, Free Choice, and Intervention*. Oxford: Oxford University Press, 2013, 480 pp.

Chomsky, N. *Knowledge of Language: Its Nature, Origin, and Use*. New York: Praeger, 1968, xxii + 309 pp.

Chomsky, N. *Syntactic Structures*. The Hague: Mouton, 1957, 256 pp.

Gajewski, J. *L-Analyticity in Natural Language*. Cambridge, MA: MIT Press, 2002, 358 pp.

Gryaznov, A.F. “Fenomen analiticheskoi filosofii v zapadnoi kul’ture XX stoletiya” [The Phenomenon of Analytic Philosophy in the Western Culture of XX century], *Voprosy filosofii*, 1996, no. 4, pp. 37–47. (In Russian)

Heidegger, M. “Chto takoe metafizika?” [Was ist Metaphysik?], in: *Vremya i bytie* [Zeit und Sein]. Moscow: Respublika, 1993, pp. 16–27. (In Russian)

Küng, H. *Ontologiya i logicheskiy analiz yazyka* [Ontology and the Logistic Analysis of Language]. Moscow: Dom intelektualnoy knigi, 1999, 237 pp.

Ladusaw, W. *Negative Polarity Items as Inherent Scope Relations*. Unpublished Ph. D. Dissertation. University of Texas at Austin, 1979.

Makeeva, L.B. “Analiticheskaya filosofiya kak istoriko-filosofskiy fenomen” [Analytic Philosophy as a Historical Philosophical Phenomenon], *Philosophy journal*, 2019, vol. 12, no. 1, pp. 130–143. (In Russian)

Neurath, O. “Protokol’nye predlozheniya” [Protokollsätze], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2005, vol. II, no. 4, pp. 226–234. (In Russian)

Nikiforov, A.L. “Analiticheskaya filosofiya” [Analytic Philosophy], in: I.T. Kasavin (ed.). *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science]. Moscow: Kanon+, 2009, pp. 49–51. (In Russian)

Nikiforov, A.L. *Struktura i smysl zhiznennogo mira cheloveka* [The Structure and Meaning of a Human’s Lifeworld]. Moscow: Alfa-M, 2012, 280 pp. (In Russian)

Paducheva, E.V. “Snyataya utverditel’nost’ i neveridikal’nost’ (na primere russkikh mestoimennykh otritsatel’noy polyarnosti)” [Removed Assertiveness and non-Veridicality (on the Material of the Russian Pronouns with Negative Polarity)], *Russian Linguistics*, 2015, vol. 39 (2), pp. 129–162.

Partee, B.H. “Formal Semantics: Origins, Issues, Early Impact”, in: B. Partee, M. Glanzberg & J. Skilters (eds). *The Baltic Yearbook of Cognition, Logic, and Communication*, Vol. 6. New Prairie Press: Lawrence, KS, 2011, pp. 1–52.

Portner, P.H., Partee, B.H. (eds.). *Formal Semantics: The Essential Readings*. Vol. 7. Oxford: Blackwell, 2002, 500 pp.

Quine, W.V.O. “Two Dogmas of Empiricism”, in: Quine, W.V.O. *From a Logical Point of View*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1961, pp. 1–19.

Russell, B. “On Denoting”, *Mind*, 1905, vol. 14, no. 56, pp. 479–493.

Shokhin, V.K. “Chto zhe vse-taki takoe analiticheskaya filosofiya? V Zashchitu i ukreplenie ‘revizionizma’” [What is Analytical Philosophy? In protection and promotion of ‘Revisionism’], *Voprosy filosofii*, 2013, no. 11, pp. 137–148. (In Russian)

Shramko, Y.V. “Chto takoe analiticheskaya filosofiya?” [What is Analytic Philosophy?], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2007, no. 1, pp. 87–110. (In Russian)

Tselishchev, V.V. “Analiticheskaya filosofiya i revizionizm bez beregov” [Analytic Philosophy and Revisionism Without Bounds], *Philosophy Journal*, 2018, vol. 11, no. 2, pp. 138–155. (In Russian)

Vasiliev V.V. “Chto takoe analiticheskaya filosofiya i pochemu vazhen etot vopros?”, *Philosophy Journal*, 2019, vol. 12, no. 1, pp. 144–158. (In Russian)

Wittgenstein, L. *Logiko-filosofskii traktat* [Tractatus Logico-Philosophicus], in: *Filosofskie raboty* [Philosophical Works]. Part 1. Moscow: Territoriya budushchego, 1994, pp. 22–164. (In Russian)

Wright, G.H.v. “Analiticheskaya filosofiya: istoriko-kriticheskii obzor” [Analytic Philosophy: a Historico-Critical Survey], *Kantovskii sbornik*, 2013, no. 1 (43), pp. 78–89; no. 2 (44), pp. 69–82. (In Russian)